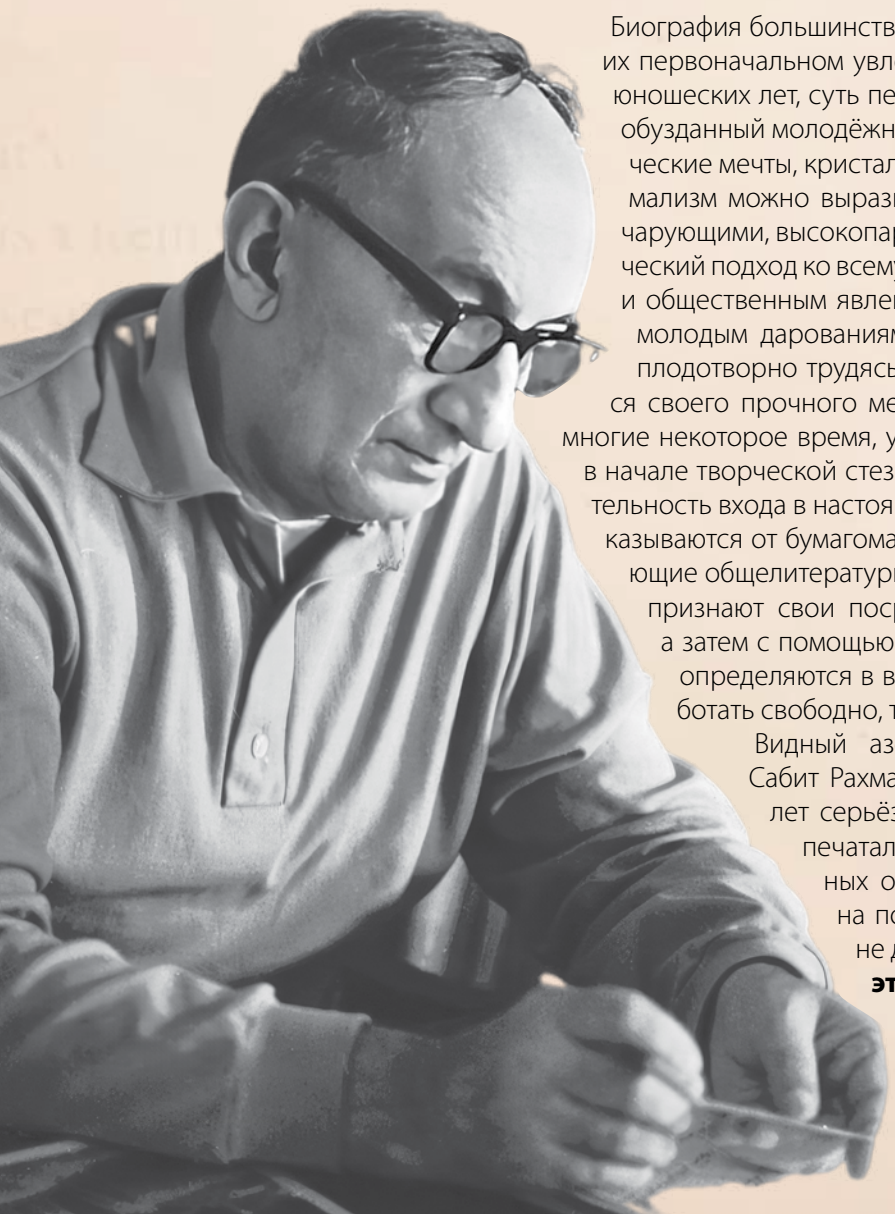
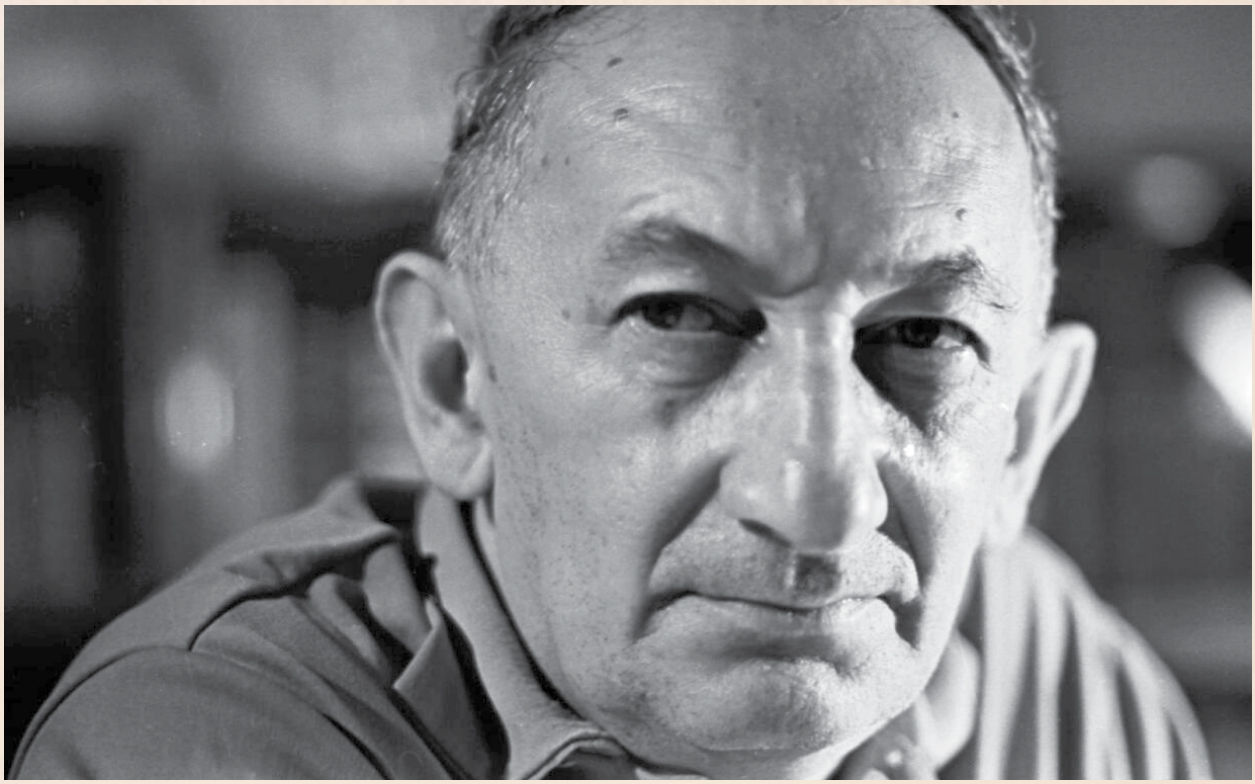
Абузар БАГИРОВ,
доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

МАСТЕР комедийного жанра



Биография большинства видных творческих людей сообщает об их первоначальном увлечении поэзией. Естественно, романтику юношеских лет, суть первозданных жизненных впечатлений, необузданный молодёжный вздор, порой недосягаемые фантастические мечты, кристально чистые помыслы, необъятный максимализм можно выразить только возвышенными, божественно чарующими, высокопарно образными словами. Трепетно поэтический подход ко всему окружающему миру, ко всем природным и общественным явлениям, всему прекрасному – свойственен молодым дарованиям без исключения. Как правило, годами плодотворно трудясь, в большой поэзии немногие добиваются своего прочного места и профессионального признания. А многие некоторое время, усердно занимаясь стихосложением, ещё в начале творческой стези осознают свою слабость или несостоятельность входа в настоящий поэтический мир и окончательно отказываются от бумагомарательства. Но бывает, что люди, обладающие общелитературным талантом, через какое-то время сами признают свои посредственные поэтические возможности, а затем с помощью тщательного творческого анализа точно определяются в выборе жанра, в котором им под силу работать свободно, творить достойные произведения.

Видный азербайджанский прозаик, комедиограф Сабит Рахман в начале творческого пути несколько лет серьёзно был увлечён поэзией, неоднократно печатался в районных и республиканских печатных органах. По признанию самого писателя, на поэтических поприщах он особого успеха не достиг. И окончательно **отказался от поэтического творчества в начале 1930-х годов, посвятив себя прозе и драматургии, стал именитым прозаиком**,



поистине мастером комедийного жанра в азербайджанской литературе советского периода.

Махмудов Сабит Рахман Керим оглу – Сабит Рахман родился 26 марта 1910 года в городе Нухе (ныне Шеки) в семье купца. Здесь он получил среднее образование, затем переехал в Баку и продолжил учёбу в образцовой школе «Шаиг» под руководством известного просветителя-педагога, писателя-сатирика Гантемира (1888–1944). В 1924 году поступил в Бакинскую учительскую семинарию, где преподавали знаменитые азербайджанские писатели **Гусейн Джавид (1882–1941), Абдулла Шаиг (1881–1959), Сеид Гусейн (1887–1937)**. В 1926 году после завершения учёбы Сабит Рахман возвратился в родную Нуху, преподавал три года в образцовой городской трудовой школе. В этот период у него появился интерес к литературе, напечатанные **два фельетона в известном сатирическом журнале «Молла Насреддин» были первыми литературными публикациями молодого автора**. Сабит Рахман в годы учительства плодотворно стал писать стихи, рассказы, фельетоны, активно печатался в районных, республиканских газетах и журналах.

В 1929–1932 годы молодой писатель Сабит Рахман получил высшее образование на филологическом факультете Азербайджанского педагогического института (ныне АГПУ), а в 1936–1937 годы учился в Москве на сценарном факультете Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК).

Сабит Рахман посвятил себя полностью литературному творчеству с начала 1930-х годов. Окончательно оставив поэтические стези, усиленно занялся прозой, один за другим выпустил сборники рассказов: «Испорченный» (1932, «Азернешр»), «Велеречивый соловей» (1933, «Азернешр»), «Рассказы молодости» (1936, «Азернешр»); и повестей: «Неверный» (1933, «Азернешр»), «Грёзы» (1938, «Азернешр»), «Последняя трагедия» (1939, «Азернешр»), «Гусейн Араблинский» (1948, «Азернешр»). **В прозаическом наследии Сабита Рахмана насчитывается более 50 рассказов, 4 повестей, 2 романа** «Великие дни» (1952, «Азернешр») и «Нина» (1957, «Азернешр»), при жизни писателя было издано более 30 его книг в Баку и Москве на азербайджанском и русском языках.

В прозе Сабит Рахман строго придерживался принципа отображения жизни во всей её многогранности и противоречивости, столкновениях и общественных конфликтах. Именно **смех и юмор в прозе автора служили средствами для наиболее полного раскрытия характеров и постижения этих противоречий**. В его ранних рассказах и повестях основное место занимают борьба нового со старым, победа прогрессивных сил, воплощение в жизнь стремлений и чаяний

Сабит Рахман (второй слева в первом ряду) с писателями и поэтами Азербайджана

народа. Особенно внимательно и придирчиво относился писатель в своей прозе к созданию характеров.

В принципе, смех во всех произведениях для Сабита Рахмана служил основным художественным средством. Его смех всегда заставляет серьёзно задуматься, ибо он подходил к объектам художественного изображения с идеальных, передовых позиций интересов всего общества, опираясь в творческом изображении жизни на законы эстетики. **Смех Сабита Рахмана не ограничивался узкими рамками безоговорочного отрицания негативных сторон жизни, его смех носил также и жизнеутверждающий характер**. Поэтому оптимизм и вера в торжество прекрасного составляют идейный пафос его основных произведений… Но было бы ошибочным считать Сабита Рахмана лишь сатирическим писателем. Его творчеству присущ и лирико-психологический художественный анализ глубоких социальных и нравственных противоречий, различных вопросов развития общества, сложных общечеловеческих взаимоотношений.

С молодости Сабит Рахман активно стал изучать драматургические произведения классиков русской и мировой литературы, иногда переводя на азербайджанский язык значимые пьесы некоторых выдающихся драматургов: **русского Николая Гоголя (1809–1852), английского Уильяма Шекспира (1564–1616), французского Жан-Батиста Мольера (1622–1673), итальянского Карло Гольдони** (1707–1793).

Комедия **«Свадьба» (1937)** была весьма удачным дебютом молодого драматурга. К счастью, яркое художественное дарование азербайджанского комедиографа проявилось и во всех его остальных талантливых комедиях: «Счастливцы» (1941), «Приятели» (1944), «Ясность» (1949), «Невеста» (1953), «Алигулу женится» (1953), «Ложь» (1965), «Хиджран» (1967), «Живые» (1970) и др. **Сабит Рахман является также автором киносценариев** по одноимённым музыкальным комедиям Узеира Гаджибейли «Аршин мал алан» (1945), «Не та, так эта» (1958), кинофильмов «Кароглу» (1960), «Где ты, Ахмед?» (1963), автором либретто музыкальных комедий «Улдуз» (1964) и «Хиджран» (1973).

Собственно говоря, **Сабит Рахман является зачинателем комедии в азербайджанской литературе в советский период и её выдающимся представителем**. Он глубоко впитал всю художественную традицию и мастерство

основоположника азербайджанской комедии великого М.Ф.Ахундзаде (1812–1878), а также с огромным вниманием отнёсся к образам и деталям самобытных музыкальных комедий Узеира Гаджибейли (1885–1948). Конечно же, талантливый комедиограф немало учился у русской и мировой классики. Наконец, он умело использовал в своих произведениях из народного кладезя мудрости неисчерпаемый богатый искромётный народный юмор.

По меткому выражению известного русского драматурга Анатолия Глебова (1899–1964), пьесы заслуженного деятеля искусства Азербайджана (1943) Сабита Рахмана являются «*синтезом комедийных положений и комедийных характеров*». В материалах декады азербайджанской литературы и искусства в Москве в 1950 году, напечатанных в издательстве «Азернешр» (1954) Анатолий Глебович Глебов, характеризуя художественные достоинства комедии азербайджанского коллеги, высоко ценил драматический дар писателя и щедро определил его место среди всесоюзных комедиографов: «*Этот драматург* (С.Рахман – А.Б.) *ни в какой мере не уступает ни одному из наших лучших комедиографов Советского Союза… От комедий Сабита Рахмана веет атмосферой молодой шекспировской комедии, через край брызжущей жизнерадостностью*».

Во всех и прозаических, и драматургических произведениях Сабита Рахмана тонкий народный юмор переплетается с лирикой, позволяя автору глубже раскрыть духовный мир человека. Проницательная наблюдательность и неимоверный комический талант драматурга давали ему возможность оживлять на сцене богатую галерею характеров-типов, сделать их запоминающимися. **Ведущие образы пьес Сабита Рахмана не являются карикатурными, аморфными, а наоборот, производят впечатление вполне живых персонажей, выглядят психологически совершенно убедительными и реалистичными людьми**. Как правило, его герои разговаривают шутками, острыми словцами. В каждой пьесе без исключения комедиограф, умело используя народные речевые обороты, пословицы, поговорки, добивался исключительно ясного звучания спектакля. Гибкие, смешные, острые, неординарные диалоги всегда напряжены, искрятся остроумием, радуют живой внутренней логикой, **множество афористических фраз его героев надолго запоминались** и шли в народ как мудрые и ёмкие изречения навсегда. Словосочетания «Керемов ходил», «Керемов может» из спектакля «Свадьба» и поныне вызывают улыбки у просвещённой публики в Азербайджане.

Известный прозаик, основоположник комедийного жанра в азербайджанской литературе в советский период Сабит Рахман 23 сентября 1970 года в расцвете творческих сил, в 60-летнем возрасте внезапно ушёл из жизни и был предан земле на Аллее почётного захоронения в городе Баку.

Комедии Сабита Рахмана, по сути вполне отвечающие всем эстетическим требованиям жанра, **значительно обогатили идейно-художественное содержание азербайджанской драматургии советского периода, в них поднимались социальные проблемы современной жизни**. В целом творчество выдающегося мастера комедийного жанра Сабита Рахмана отвечает всем идейно-художественным задачам, стоящим перед

Памятник Сабиту Рахману в городе Шеки

Дом-музей Сабита Рахмана. Шеки, Азербайджан

искусством и литературой, и поэтому никогда не теряет своей свежести, актуальности, востребованности и современности.

Литература

1. Сабит Рахман. Свадьба. Комедия в 4-х действиях, 8-и картинах. Перевод с азербайджанского и драматургическая обработка Анатолия Глебова. Москва-Ленинград, «Искусство», 1941. 88 с.
2. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М.Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.
3. Azərbaycan Sovet ələbiyyatı. Ali məktəblər üçün dərslik. Redaktorları: Ə.Mirəhmədov, B.Vahabzadə, F.Hüseynov. Bakı, "Maarif", 1966. 436 s.
4. Сабит Рахман. Разбитое зеркало. Рассказы, повести. Авторизованный перевод с азербайджанского языка Игоря Печенева. Москва, «Советский писатель», 1967. 364 с.
5. Azərbaycan Sovet ələbiyyatı tarixi. İki cilddə. I, II c. Baş redaktor akad. M.Arif. Bakı, "Elm", 1967. 638 s.; 502 s.
6. Мамед Ариф Дадашзаде. Азербайджанская литература. Учебное пособие для филологических факультетов университетов. Москва, «Высшая школа», 1979. 232 с.
7. Sabit Rəhman. Hekayələr. Ön sözün müəllifi: Arif Səfiyev. Bakı, "Azərnəşr", 1984. 172 s.
8. T.Ə.Əhmədov. XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, «Nurlar», 2004. S. 221. 984 s.
9. Bədirxan Əhmədov. XX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. İcmallar, təhlillər, portretlər. Dərslik. II cild. Bakı, "Apostrof", 2010. 436 s.

The article briefly describes the works of Sabit Rahman, an outstanding Azerbaijani writer and playwright of the middle of the 20th century and prominent representative of the realistic trend in literature.

Рассказы
РОДНЯ

Тётя Масма постучала в ворота своего соседа Алескера, заведующего сельпо.

– Эй, Алескер, ты из города приехал? Нет ли каких вестей о моём сыне?

Алескер вышел за ворота. В руках у него был стакан с недопитым чаем. Увидев соседку, он рассердился.

– Послушай, милая, чего это ты ходишь спозаранку? Не даёшь людям чаю спокойно напиться! Я ведь не на фронте был. Где я мог узнать о твоём сыне? В городе новости по карточкам не распределяются. Ну и глупость мы спороли, породнившись с тобой!..

Алескер захлопнул калитку перед носом тёти Масмы.

Понурив голову, тётя Масма отошла и постучала в ворота Мамеда.

Председатель колхоза рубил во дворе тушу только что зарезанного барашка. Услышав стук, он крикнул сыну:

– Эй, Билал, посмотри, кто там. Только не вздумай открыть калитку!

Билал сообщил, что это тётя Масма.

Мамед киши отнёс тушу в дом. Шашлык, который жарился на жаровне, только что начал румяниться. Мамед киши разбросал угли, чтобы убавить огонь, вытер руки о штаны и вышел к воротам.

– Что надо, Масма хала?

– Ай Мамед! Нет ли каких новостей о мальчике? Я думаю, может, ты напишешь от имени колхоза... Пусть хоть что-нибудь сообщат...

Мамед киши захлопнул калитку и двинулся вниз по дороге. Он хотел увести тётю Масму подальше от дома, чтобы она не учуяла запаха шашлыка.

– О каком мальчике ты говоришь, Масма хала? – спросил он наконец.

– О моём сыне Новрузе...

– А давно нет известий?

– Больше двух лет. Будто сам не знаешь...

Когда Мамед киши увидел, что они уже достаточно далеко отошли от ворот, он остановился и сердито сказал:

– Послушай, Масма хала! Дом председателя колхоза – это не призывной пункт и не военкомат, чтобы писать бумаги на фронт. И нечего бродить по деревне ни свет ни заря. – Приедет – сам приедет, а не приедет, – значит, не приедет.

Почтовая марка, выпущенная в честь 90-летия Сабита Рахмана

– Нет, Мамед, больше я не могу терпеть, клянусь аллахом. Целыми ночами глаз не смыкаю.

– Спи днём. Мы ведь тебя на работу не посылаем. Клянусь, если б мне дали возможность, я бы спал беспробудно целый год и всё равно не насытился бы сном.

Тётя Масма глубоко вздохнула.

– Днём, говоришь, спать? А кто же за меня работать будет? Эх, родня, родня... Никто помочь не хочет!

Мамед киши понял, что это камушек в его огород.

– Откровенно говоря, Масма хала, сейчас человек и близкому родственнику помочь не может, что уж говорить о дальних? Время тяжёлое. Месяцами кусочка мяса не видим.

Вдруг из-за спины тёти Масмы вынырнул Билал.

– Отец, иди скорей, шашлык горит!

Мамед киши даже вздрогнул. Он обернулся и так треснул сына по голове, что у бедняги чуть глаза не вылетели.

– Сон тебе приснился, бездельник?! Откуда у нас шашлык? Наверное, где-нибудь осла клеймят. Потому и запах такой... Иди, я сейчас приду.

Тётя Масма не пожала протянутой ей руки.

Немного погодя она встретила Кербелайи Замана, своего дальнего родственника. Обычно Заман целыми днями слонялся по деревням без дела. Это был махровый спекулянт, но все свои афёры он устраивал тайком, и доказать что-либо было трудно.

Тётя Масма окликнула его:

– Здравствуй, Кеблейи!

Заман подошёл ближе и окинул тётю Масму свирепым взглядом. Обращение «Кеблейи» задело его. Он давно уже отказался от этой приставки к своему имени.

– Кто ты такая, женщина? Не припомню что-то...

– Это я, Кеблейи, Масма, мать Новруза.

– Какого Новруза? Новруза, сына Мурсала? Но ведь его мать, кажется, давно умерла...

– Нет, Кеблейи, причём здесь сын Мурсала Новруз? Мой сын Новруз работал трактористом. – Я жена Зейнала. Ведь вы с Зейналом родня.

Заман был вне себя, оттого что тётя Масма несколько раз подряд назвала его «Кеблейи».

– Нет, нет, сестра, я не знаю никакого Зейнала. Прощай! – Он двинулся своей дорогой.

Тётя Масма сначала растерялась, а потом подумала: «Наверно, Заману память отшибло. Стар уже...»

У тёти Масмы в деревне было ещё несколько родственников. Однако к ним она не пошла.

Женщина остановилась посреди улицы, задумалась.

Что же это за родственники? После ухода Новруза на фронт они словно перестали её узнавать. Чужие люди в сто раз роднее и ближе. Например, Салима... Девушка каждый день навещает её. Колхозный бригадир Гурбан поселился у них в деревне уже после отъезда Новруза. Но и он часто заходит в гости, расспрашивает о жизни. А ей большего и не надо. Тётя Масма не нуждается ни в чьей помощи. Новруз оставил ей кое-какие сбережения, на них она и живёт.

У соседа Гафар киши четверо сыновей на фронте. Их семьи остались на иждивении старика. У него нет ни одной свободной минутки, и всё-таки он умудряется каждое утро забежать справиться о её здоровье.

Таких, как она, не счесть: в каждой семье кого-нибудь ждут. Встречаясь, расспрашивают друг друга, интересуются новостями. Если одна семья получает письмо или кто-нибудь возвращается с фронта, радуются все, у всех праздник.

– Не горюй, Масма хала, не сегодня-завтра твой сын приедет!

Тётя Масма очнулась от своих мыслей. Перед ней, улыбаясь, стоял бригадир Гурбан.

– Ах, Гурбан, – грустно ответила она. – Если бы я получила от Новруза хоть какую-нибудь весточку!

– Получишь, получишь. Рассказывают, он храбрый парень. А смелого пуля боится!..

Гурбан и тётя Масма разговорились. А когда они собрались прощаться, на холме вдруг показался почтальон Салман.

– Эй, Масма хала! Масма хала! – закричал он и побежал в их сторону.

Сердце у тёти Масмы забилось. Она не смогла вымолвить ни слова.

– В чём дело? – спросил Гурбан. – Письмо есть?

– Идите скорей в сельсовет, – ответил Салман, размахивая газетой. – Гахраман стал Новрузом.

И почтальон исчез.

Тётя Масма удивлённо посмотрела на Гурбана:

– Что он сказал? Кто такой Гахраман Новрузов?

– Ума не приложу. Пойдём, узнаем, в чём дело. Мне кажется, у нас в деревне нет никого по имени Гахраман.

– Зачем же тогда он звал меня?

Тётя Масма и Гурбан зашагали к сельсовету. Ноги у тёти Масмы заплетались. Она едва шла. В голове мелькали тысячи разных мыслей. Может, какая-нибудь неприятная весть? Но человек, принёсший неприятную весть, не станет кричать на всё село... Если пришло письмо от Новруза, почему он не вручил его сразу? При чём здесь сельсовет?

Когда тётя Масма, задыхаясь от волнения, передумав буквально всё на свете, добежала до сельсовета, она увидела во дворе толпу колхозников.

Почтальон Салман воскликнул:

– Ну, Масма хала, с тебя магарыч. В портрете напечатана его газета.

Почтальон Салман был славным человеком. Но у него был один большой недостаток – все говорить шиворот навыворот. Колхозники знали об этом и, когда он говорил, мысленно переставляли слова, чтобы понять смысл.

Но сейчас тётя Масма была не в состоянии заниматься перестановкой слов. Мысли путались у неё в голове.

– Послушай, Салман, объясни хорошенько, кто такой Гахраман Новрузов?

– Да нет же, я говорю, что твой сын стал героем. Или опять не понимаешь?

Салима, молодая двадцатидвухлетняя девушка-комсомолка, работающая секретарём сельсовета, подошла и обняла тётю Масму.

– Поздравляю тебя, Масма хала! – краснея, объяснила Салима. – В газете напечатан портрет Новруза. Он совершил геройский поступок, и его наградили орденом. Выходит, он жив и здоров.

Трудно было передать радость счастливой матери. Она крепко расцеловала Салиму, от чего та зарделась ещё больше.

Перед войной вся деревня смотрела на Новруза и Салиму как на жениха и невесту. После ухода Новруза на фронт к девушке сваталось несколько человек, но она всем отказала. Потому-то Салима и застыдилась, когда тётя Масма поцеловала её при всех.

Однако никто из колхозников не стал обращать внимания на такие детали. Весть о том, что Новруз жив, здоров и совершил геройский поступок, мигом облетела деревню. Тётю Масму окружили, жали ей руку, поздравляли.

Кто-то воскликнул:

– Есть предложение зарезать барашка!

– Зарезать!.. Зарезать!..

– Выберем на ферме барашка пожирнее!.. Новруз был членом колхоза, имеем право!

Салима возразила:

– Почему же на ферме? У меня есть хороший баран. Давайте его и зарежем.

Через минуту притащили барана.

Салима взяла тётю Масму под руку. Старые и молодые, женщины и дети торжественно двинулись вслед за ними.

...Покончив с шашлыком, председатель колхоза Мамед киши расправил запачканными жиром пальцами усы и обернулся к сыну.

– Эй, Билал, если меня кто-нибудь спросит, скажи, ушёл на работу. Я буду у заведующего сельпо Алескера. Если же случится что-нибудь серьёзное, прибежишь, тихонько дашь мне знать.

Мамед киши надел галоши и вышел за ворота. Его внимание привлекли голоса и шум в противоположном конце улицы. Он пригляделся: вверх по дороге шла большая толпа колхозников.

«Что это может быть?» – подумал он.

Толпа приблизилась. Впереди всех шла тётя Масма. Мамед киши забеспокоился.

«Может, Масма хала нажаловалась на меня? Дескать, родственник, не помогает... – Мамед киши рассердился: – Семейственность тут разводят!»

И он решил, как только толпа поравняется с ним, при всех отказаться от родства с тётей Масмой.

На всякий случай он принял меры предосторожности – открыл калитку и закричал:

– Эй, Билал, спрячь шампуры.

– Что ты говоришь, папа? Какие куры?

– При чём здесь куры, осёл? Говорю: спрячь шампуры, шампуры от шашлыка.

Билал схватил с жаровни шампуры и отнёс в дом.

Мамед киши двинулся навстречу толпе. Он уже открыл было рот, чтобы отчитать тётю Масму, но тут заметил, что колхозники не обращают на него никакого внимания. Тащат на верёвке барана... Мамед киши удивился.

Рядом с тётей Масмой шёл почтальон Салман. Мамед киши подошёл к нему и спросил:

– В чём дело, товарищ Салман? Что случилось?

– Как, что случилось? – закричал Салман. – Герой стал Новрузом!

Мамед киши оторопел. Он знал привычку почтальона менять порядок слов. Быстро сделав в уме перестановку, он сообразил: «Выходит, Новруз стал героем».

Мозг Мамед киши заработал, как мельничный жёрнов:

«Значит, Новруз живой, да ещё совершил геройский поступок. Наверно, грудь его покрылась орденами. Кончится война, он вернётся в деревню. И тогда колхозники могут выбрать его председателем колхоза».

Мамед киши разволновался, растерянно заморгал глазами. И вдруг его осенило. Он широко раскинул руки и двинулся к тёте Масме.

– Ай, Масма! – воскликнул он. – Наш Новруз жив! Какое счастье!

Не успела тётя Масма опомниться, как Мамед киши заключил её в крепкие объятия и закричал ещё громче:

– Эй, Билал, ставь чайник! К нам гости идут!

Билал высунул голову из калитки и ответил:

– Я спрятал, папочка... Спрятал все шампуры.

– Заткнись, ослёнок! При чём тут шампуры? Ставь чай! У нас гости!

Тётю Масму с трудом удалось вырвать из рук Мамед киши.

Толпа прошла дальше.

Из-за угла вышел Кербелайи Заман. Увидев Масму халу, он хотел отвернуться, но передумал.

«Что случилось? Почему она окружена таким почётом?»

В сердце Замана закралось сомнение: может быть, вернулся Новруз? Решив, что в подобной ситуации нужно действовать осторожно, он подошёл к Мамед киши и поинтересовался, что произошло.

Председатель колхоза, огорчённый тем, что Масма хала не обратила на него внимания, решил обмануть Кербелайи Замана. «Как бы он не опередил меня и не втёрся первым к ней в доверие», – подумал Мамед киши.

– Проходи, проходи... – строго сказал он Кербелайи Заману. – Нашёл время приставать!

– Да что случилось?

– С фронта пришло известие: Новруз ранен. Увидит тебя мать – ещё больше затоскует. Проходи.

Однако от Кербелайи Замана не так-то легко было отвязаться. Такое известие! Новруз ранен...

Кербелайи Заман сделал грустное лицо и подошёл к тёте Масме.

– Не горюй, Масма хала. Если Аллаху будет угодно, он поправится. Заживёт его рана...

Все в изумлении переглянулись. Тётя Масма недоумевала.

– Послушай, Кеблеи, а кто ранен?

– Как кто ранен? Да ведь говорят, твой сын ранен.

Колхозники засмеялись.

– Эх, Кеблеи! – сказал Гурбан. – Видно, ты забыл голову там, где торговал курами. Никто не ранен. Иди своей дорогой...

– А что ж случилось? Почему вы собрались?

– Новрузу дали орден. Понятно?

Известие не обрадовало Кербелайи Замана. Ведь после ухода Новруза на фронт он делал вид, будто не знает тётю Масму. Что же теперь будет?

Кербелайи Заман был не из тех, кто долго думает. Он решил немедленно поздравить счастливую мать. Однако рядом с ним уже никого не было. Он один стоял посреди улицы.

Кербелайи Заман, задыхаясь, побежал за толпой.

Радостная весть переходила из дома в дом. Все шли поздравить тётю Масму.

В её доме было шумно и весело, как на свадьбе. Газету с портретом Новруза передавали из рук в руки.

У всех на устах было только его имя.

Гости расположились во дворе. Зарезали барана. Лицо тёти Масмы светилось гордостью и счастьем. Ей ещё никогда не приходилось выступать перед столькими людьми. Но сейчас она чувствовала, что не может не говорить.

– Дети мои! – начала она.

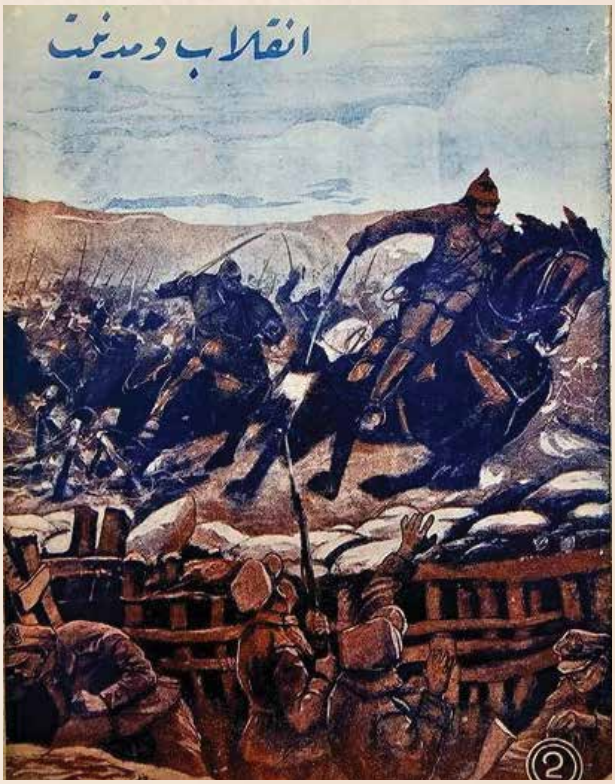
Музыка тотчас смолкла.

– Я дожила до того дня, когда мой Новруз стал героем. Как мне хочется, чтобы каждая мать обняла своего сына! Да придёт тот час!

– Спасибо, родная!.. Будь счастлива!

Тётя Масма обернулась. В дверях стоял заведующий сельпо Алескер. В руках у него были стограммовая пачка чая и кулёчек с конфетами.

Тётя Масма пристально посмотрела ему в гла-



Обложка журнала «Ингилаб ве меденият», ответственным секретарем которого был Сабит Рахман

за и не ответила на приветствие. Потом повернулась к гостям и так закончила свою речь:

– Никому не нужны такие родственники! Ты, Алескер, – моя дальняя родня. Эти же добрые трудолюбивые люди – мои братья и сестры. А есть ли кто ближе, роднее братьев и сестёр?

Веселье затянулось. Все гордились тем, что их односельчанин Новруз стал героем.

Колхозники написали Новрузу коллективное письмо. Под письмом не было только трёх подписей.

НАДИР ШАХ

Чем измерить человеческую жизнь?

Количеством ударов сердца? Числом прожитых лет? Или значимостью деяний? Памятью в душе народа?

Об этом писали поэты и прозаики, рассказывали газеты, книги, показывало кино. Жизнь давно сказала об этом своё слово.

Значит, не умер Гусейн Араблинский – азербайджанец, пионер нашей сцены, знаменитый трагик. И наёмный убийца, от ножа которого захлебнулось кровью сердце Гусейна, – всего лишь подлый вор, укравший то, чего артист не успел отдать азербайджанскому театру, своему народу.

О Гусейне Араблинском писали многие, много. Писал и я. Сегодня же мне просто вспомнился забавный случай, связанный с его именем. Я хочу рассказать его вам.

Гусейн Араблинский переодевается в гримёрной. Окончилось второе действие, где он был разбойником Надиром. В третьем действии он станет Надир ханом, затем Надир шахом. Роль сложная, требующая от актёра мастерства перевоплощения и соблюдения чувства меры в психологической трактовке образа; одна из любимых ролей Гусейна, одна из его самых успешных ролей. Продуманы каждое слово, каждый жест. Кажется, в этой роли Гусейн достиг вершины совершенства.

Однако сейчас он крайне взволнован. И есть отчего. Днём он отослал «корону Надир шаха» ювелиру, чтобы тот украсил её стеклярусом, бусами, блёстками. Ювелир отказался возвращать корону, пока ему не заплатят за работу. Он требовал пять рублей. Но где их взять?

Встревожен не только Гусейн, переживают актёры. Все знают: он не любит выходить на сцену в костюме, где чего-то не хватает. Случается, играет не при полной «амуниции» – и нет уже того блеска, нет обычной вдохновенности.

Сегодня представление бесплатное, и тем не менее, очень ответственное. В зале нет свободных мест. Большинство зрителей – завсегдатаи театра, верхушка городской интеллигенции. В ложах сидят приехавшие в Баку на гастроли русские артисты – знакомятся с азербайджанским театром.

Дважды к ювелиру посылали человека. Мольбы и уговоры не возымели действия. Он был из крепкого металла – этот Уста Аслан, не признающий на свете иного божества, кроме золотого тельца.

Нужны пять рублей, всего-навсего какие-то пять рублей!

В уборную Араблинского вбежал Гусейнгулу Сарабский, играющий роль царедворца Мирзы Мехти.

– Важное известие, Гусейн!

– Ювелир вернул корону?

– Пока нет! – Сарабский приблизился к Гусейну и, понизив голос, сообщил: – У Садык бека есть пятёрка.

– И что?.. Не даёт?

– Не признается, что при деньгах. Но ребята видели: когда Садык бек гримировался и надевал костюм посла, сунул деньги в карман чухи.

– Зови его.

Сарабский вышел.

Гусейн подправил грим, присел на край стола, скрестив руки на груди.

Садык бек не был профессиональным актёром. Основным его занятием было маклерство на бирже. Он помогал театру, но в основном своему карману – продавал билеты, заходя в лавки, магазины, частные дома. Настырный, нагловатый субъект. Тому, кто попадал в его лапы, редко удавалось вырваться, не купив билета. Иногда Садык бек участвовал в спектаклях. Жадность его была необычайна. Он постоянно утаивал деньги от продажи билетов, используя их как капитал в своих коммерческих махинациях. Когда к нему обращались с просьбой дать взаймы, он клятвенно заверял, что у него в кармане нет ни гроша: «Сам побираюсь. Жизнь собачья!..» При этом на глаза его набегали слезы.

В гримёрную вошли Сарабский и обладатель заветных пяти рублей.

Гусейн придирчивым взглядом окинул Садык бека с ног до головы.

– Во всём нужна мера, Садык. Или ты собрался на маскарад? Зачем так перетянулся? Ослабь кушак. Теперь вот что... Если память не изменяет мне, ты должен нам двадцать рублей за билеты. Гони деньги!

Услышав слово «деньги», Садык бек запрядал ушами, как лошадь, почуявшая беду.

– Какие деньги?! Что вы пристали ко мне?! Идите, возьмите их у тех, кто покупает ваши билеты в кредит. Раскошелятся они – и я рассчитаюсь с вами.

– Нам нужны, пять рублей. Сейчас, сию минуту! Слышишь?!

– У меня нет ни копейки.

– Ребята видели у тебя пятёрку.

Садык бек вздрогнул, будто его укололи иголкой. Гусейн отметил это про себя.

– У ваших ребят галлюцинации от голода! – выкрикнул истерично Садык бек, пятясь к двери. – Нет у меня никаких денег! Понятно вам?.. Нету!.. – И выскользнул из комнаты.

– Пошли на сцену. Пусть поднимают занавес, – спокойно сказал Гусейн.

В глазах Сарабского отразилось изумление.

– Я не ослышался?! А как же твоя корона? После этого действия у нас будет только пятнадцать минут. Мы не успеем принести её от ювелира. Деньги нужны немедленно.

– На сцену, Гусейнгулу!

Коридор перед гримёрной был забит артистами.

Араблинский обернулся к другу и шепнул:

– На сцене делай то, что я скажу.

Началось третье действие.

Справа на сцене – крепостные стены Хорасана, слева – походные шатры войска Надира. Надир (Араблинский) один на сцене. Входит Мирза Мехти (Сарабский). Надир, очнувшись от раздумий, поднимает голову.

Надир. Мирза, ты? Кто там пришёл? Чей это голос?

Мирза Мехти. Вас хочет видеть посол, прибывший от афганцев.

Надир. Посол?! *(Встаёт)*. Милости просим. *(Мирза Мехти выходит, Надир один)*. Видно, ощутили силу моего кулака. Что там – посол?! Я думал, придёт сам хан и будет умолять меня оставить его в покое. Не бывать этому. Он может просить меня быть милостивым к его подданным, даровать ему жизнь. Речь может быть только об этом.

Входит Садык бек в одеянии посла.

Посол (кланяясь). Меня прислал мой хан.

Надир. Приятно слышать это. Чем могу служить?

Посол. Хан считает, что прекращение войны пойдёт на всеобщее благо.

Надир (сдерживая негодование). Каковы его условия?

Посол. Хан согласен заплатить достойную дань.

Надир (насмешливо). Город осаждён моим войском, а ваш хан хочет отделаться обычной данью? Чудесная идея! Не кажется ли вам, почтеннейший посол, что ваш хан большой мечтатель?

Посол. Он обещает также никогда не нападать на Иран.

Надир (с иронией). Передайте вашему хану, почтеннейший посол, чтобы он приготовился принять сегодня мои условия. Я изложу их письменно и отправлю ему. Он подпишет их со связанными руками. Такова моя воля.

Посол (в недоумении). Не понимаю.

Надир. Ничего, поймёте через час, если Аллаху будет угодно! Как видно, ваш хан мало что смыслит в ратных делах. Он ещё не ощутил моей силы, – только этим можно объяснить его смехотворные предложения. Где логика?! Вы захватываете наши земли, доставшиеся нам от наших дедов и отцов, грабите, оскверняете наши священные места, и мы ещё должны принимать ваши условия, хотя сила на нашей стороне?! Если ваш хан желает избежать плена и не хочет напрасного крово-

пролития, он в течение двух часов освободит крепость Хорасан, иначе я сегодня же сровняю город с землёй, родителей оставлю без детей, а детей сделаю сиротами. Так будет!

Зал взорвался аплодисментами. Как всегда, этот монолог Араблинский произнёс вдохновенно. Он стоял, пронизывая испепеляющим взглядом посла афганцев. Сейчас он покажет рукой на дорогу и скажет ему: «Это всё, ступай!», после чего посол удалится. Однако Гусейн вместо этого настороженно посмотрел на посла и неожиданно приказал:

– Эй, Мирза Мехти! Этот человек кажется мне подозрительным! Нет ли при нём оружия?! Может, он замышляет убить меня? Обыскать его! Проверьте его карманы!

Мирза Мехти (Сарабский), никак не ожидавший такого отступления от текста, растерялся на миг, затем, смекнув, в чём дело, схватил посла (Садык бека) за руки.

В те времена Сарабский был молод и полон сил. Друзья в шутку называли его «телохранителем азербайджанского театра». Он мигом свалил на землю растерявшегося Садык бека и обшарил его карманы. Затем подошёл к Гусейну и чуть слышно шепнул:

– Всё в порядке, деньги у меня. – И громко добавил: – В его карманах нет оружия!

Араблинский, глядя с хитрой насмешкой на посла, указал рукой на дорогу и сказал слово в слово по тексту:

– Это всё, ступай!

Обескураженного Садык бека била дрожь. Выпучив глаза, он пятился со сцены. Едва он исчез за кулисами, зрители, восхищённые его талантливой игрой, зааплодировали.

После представления, разгримировавшись и сдав костюмы в гардеробную, Араблинский и Сарабский вместе вышли из театра.

От недавно прошедшего дождя водосточные трубы и тротуары тускло поблёскивали. В напоенном сыростью воздухе плыл слабый сладковатый аромат кавказского ясеня. На улице было пустынно. Город погружался в сон.

Пора расходиться по домам.

Вдруг друзья увидели на углу фигуру Садык бека. Они приблизились.

– Эй, Мирза Мехти! – напыщенно обратился Гусейн к Сарабскому. – Всё же этот посол кажется мне подозрительным. Обыщи-ка его! Может, в его карманах завалялась ещё одна пятёрка?!

Садык бек, видя, что Сарабский направляется к нему, воскликнул:

– Не подходите!.. Не подходите ко мне!.. Полицейского позову!.. – И пустился наутёк.

Араблинский захохотал:

– Эй, Садык, или ты не оценил великодушие Надира?! Ведь он мог вкатить тебе десяток плетей. Не забудь про должок. До встречи... на сцене!

АРШИН МАЛ АЛАН

Летом сорок второго года наша небольшая концертная бригада покинула город Газах, направляясь в Агдам.

Евлах встретил нас тридцатиградусной жарой. Раскалённый воздух дрожал и струился над железными крышами и глинобитными кровлями. Подошвы приставали к размякшему под солнцем асфальту.

Война давала знать о себе во всём.

Между Евлахом и Агдамом ходило всего два автобуса, допотопных, дребезжащих, которые часто ломались в пути и выходили из строя на несколько дней.

На автостанции в Евлахе происходило вавилонское столпотворение. Часто меняющиеся самозваные блюстители порядка то и дело устанавливали очередь, устраивали переклички, а когда подъезжал автобус, первыми садились в него, предавая «обезглавленную» очередь власти анархии, где успех выпадал на долю самых проворных и крепких телом.

Наша концертная группа состояла из трёх музыкантов, одной танцевальной пары (Вахтанг Давидашвили и Неля Насибова), исполнительницы народных песен Солмаз Мирзоевой, ашуга Керима, нашего администратора Агасалима и меня, руководителя бригады. Итого нас было девять человек.

Самый молодой среди нас – танцор Давидашвили, шустрый, общительный юноша-грузин. Он неплохо исполнял азербайджанские танцы и был незаменимым помощником Агасалима.

В Евлахе на автостанции они развили активную деятельность, однако скоро стало ясно, что шансов уехать в этот день почти нет. В списке очереди перед нами людей было на добрый десяток автобусов. Что делать?

Я с мольбой посмотрел на Агасалима:

– Предприми что-нибудь.

Мой администратор ответил, по обыкновению, в нос:

– Подумаю.

Мы немного воспрянули духом. Раз Агасалим обещает подумать, значит, дело будет.

Сообразительный и живой Агасалим был, можно сказать, мастер на все руки. Когда кто-нибудь из членов бригады заболевал, он с успехом заменял его. Агасалим отлично исполнял танец и куплеты главного персонажа из комедии Узеира Гаджибекова «Аршин Мал Алан».

Вот один из примеров его изобретательности и находчивости.

В Газахе мы оказались в безвыходном положении. Не осмотрев заранее концертного помещения, мы расклеили афиши и распродали билеты. Приходим в местный театр и видим: в зрительном зале нет ни одного стула.

Как быть? Не сядут же зрители на пол?

Мы бросились к администратору театра:

– Нужны стулья или скамейки, иначе горим!

Администратор разводит руками:

– Ничего не могу поделать. Стульев нет и не будет… Я вам не мебельная фабрика.

– Агасалим, – кричу я в отчаянии, – вся надежда на тебя! Сделай что-нибудь.

– Подумаю, – сказал он, как обычно, в нос.

Немного погодя, уже в гостинице, заявляет мне:

– Я пошёл в город, может, найду что-нибудь. Под лежачий камень вода не течёт.

Мы остались ждать. Прошёл час, другой – от Агасалима ни слуху, ни духу. Я уже подумал с тоской, что концерт придётся отложить.

Под вечер Агасалим вернулся в приподнятом настроении.

– Сидите?! – бросил с порога. – Идите на балкон и взгляните, что делается на улице.

Мы выбежали на балкон, где нашим изумлённым взорам предстала такая картина: улица была запружена солдатами, которые несли стулья и скамейки.

– Что это? – удивился я.

Казалось, лицо Агасалима излучает солнечный свет.

Разве не видишь?.. В театр несут.

Наши лица заулыбались. Мы наперебой начали пожимать руку Агасалима. Неля и Солмаз даже расцеловали его.

- Объясни, пожалуйста, Агасалим, что это за чудеса в решете, – спросил я. – Ты маг и чародей, если мог в военное время заставить солдат тащить в театр стулья!

Излишне говорить, что в эту минуту Агасалим чувствовал себя на седьмом небе.

- В городе я узнал, – начал он, – что здешний военный комендант – полковник-грузин. Я пошёл в комендатуру. Дежурный сказал мне, что полковник поехал обедать. Я направил стопы к его дому. Дверь мне открыла молодая приветливая грузинка, его жена, пригласила в дом. Я вошёл, вижу: полковник сидит за столом, читает газету. Поднял голову, вопросительно посмотрел на меня. Я говорю ему: «Привёз Давидашвили!» – «Кого? кого?» – спрашивает. «Давидашвили, – повторяю. – Вечером концерт». Полковник встаёт со стула, в глазах его приятное изумление: «Нашего знаменитого Давидашвили?!» Я киваю головой: «Так точно, нашего Давидашвили. Только боюсь, опозоримся перед ним!» – «Это почему же, генацвале? – спрашивает он. – Думаешь, в зале будет мало народу?» – «Нет, говорю, товарищ полковник, не в этом дело. Все билеты давно проданы. Но в театре нет стульев, не на чём сидеть. Вместо зрительного зала – спортплощадка!» Полковник улыбнулся: «Пустяки, дорогой, пустяки. Это не должно тревожить вас. Сейчас я дам команду, чтобы из наших казарм доставили в театр стулья и скамейки. Но у меня к тебе просьба, кацо: два места оставь за мной». Вот, собственно, и всё. Результат налицо! – Агасалим сделал жест рукой в сторону улицы.

Его находчивость восхитила всех. Больше других хохотал наш юный Давидашвили. Лишь один я не разделял общего веселья.

– Нехорошо обманывать, Агасалим. Что мы скажем полковнику вечером?

– Как что скажем? – усмехнулся Агасалим. – Разве наш Вахтанг – не Давидашвили?

– Давидашвили, только не тот...

– Какое нам дело?.. Ведь полковник не спросил меня, какого Давидашвили я привёз. Формально мы никого не обманули.

Мои опасения оказались напрасными. Наш администратор знал, что делает. После концерта полковник пришёл к нам за кулисы. Хитрость Агасалима пришлась ему по душе. Посмеиваясь, он несколько раз повторил:

– Федот, да не тот...

И вот сейчас в Евлахе, изнывая от жары на автобусной остановке, мы уповали исключительно на находчивость Агасалима, который предавался размышлениям, сидя на большом круглом камне у билетной кассы. Я мысленно сравнил его с Наполеоном, любившим, сидя на барабане, обдумывать план сражения.

Через некоторое время Агасалим поднялся с камня и, потягиваясь, сказал:

– Пойду, посмотрю, что можно сделать. Под лежачий камень вода не течёт.

Он удалился, а мы принялись ждать. Иного нам ничего не оставалось. Взять билеты в порядке очереди не было ни малейшей надежды.

Спустя час мы проводили автобус в сторону Ханкенди. Да как проводили! Едва он остановился у автостанции, люди, забыв про очередь, начали совершать посадку через окна. Лезли все – и те, у кого были билеты, и те, у кого их не было. Представляете, что творилось?.. Крик, брань, проклятия.

Город Евлах имел важное военно-стратегическое значение. Немцы подступали к Кавказу. Линия фронта проходила в нескольких сотнях километров. Через этот район шла переброска наших войск. Местные власти почти не обращали внимания на предприимчивых дельцов, которые ездили из района в район, занимаясь спекуляцией. Они-то, эти мешочники, и создавали затруднения на транспорте.

Что касается нашей артистической миссии, она была, как сами понимаете, ответственной и благородной. Мы ездили с концертами по районам Азербайджана. Несмотря на тревожную обстановку на фронтах, наши концерты пользовались у населения успехом. Вместо трёх дней по плану мы задерживались в райцентрах до десяти дней.

Солнце начало сползать с зенита. Вдруг видим: мчится наш Наполеон. Подбежал ко мне, запыхавшись.

– Скорей, скорей, – говорит. – Берите вещи!.. Сейчас нас арестуют!

Как арестуют?! За что?!

Некогда объяснять. Скорей!.. Вон идут!..

К нам подошли два милиционера с карабинами за плечами – патрули. Один из них громко спросил;

- Кто у вас за старшего?

- Я, – отвечаю.

- Какое вы имели право приехать в Евлах без пропуска? Забыли, какое сейчас время?!

- Мы в командировке, товарищ. У нас документы...

- Поедете с нами! – приказывает он. – Там разберёмся.

И тут рядом останавливается «чёрный ворон». Второй милиционер берёт винтовку наизготовку.

Вокруг нас тотчас образовалась толпа. Убеждён, сочувствующих нам не было. Те, кто в очереди за билетами стояли после нас, должны были радоваться, так как перед ними было столько народу.

Милиционеры поднялись в машину вслед за нами, и «чёрный ворон» тронулся. Я в растерянности поглядывал то на милиционера, то на Агасалима. Все молчали. Наша Неля начала всхлипывать.

Агасалим обернулся к ней:

– Надо же понимать человеческий язык!

– Что там понимать? Разве он объяснил нам, за что нас забрали?

Минут через десять «чёрный ворон» остановился.

– Выходите! – распорядился один из милиционеров, открывая дверцу.

Мы по очереди спрыгнули на землю.

Милиционер, который только что на автостанции грубо разговаривал со мной, спросил с улыбкой:

– Ну, как я сыграл?

Я пожал плечами:

– Объясните, мы ничего не понимаем.

Агасалим рассмеялся:

– Я встретил на вокзале моего старого друга. Он здесь начальник тюрьмы. Я рассказал ему о нашем положении, и мы придумали эту шутку. «Чёрный ворон» доставит нас в Агдам.

Милиционеры взяли под козырёк и, пожелав нам успехов, ушли.

Я сказал:

– Девушки, марш в кабину! Поедете с шофёром.

Неля и Солмаз не подчинились мне, настояв, чтобы в кабину сел я.

И вот мы мчимся в тюремной машине по дороге в Агдам. Мои артисты сзади поют, пританцовывают.

– Репетируют! – улыбаясь, подмигивает мне шофёр.

Улыбаюсь и я.

Когда мы въезжали в Агдам, Агасалим исполнял песенку Аршин Мал Алана.

Тут уж я хохотал: Аршин Мал Алан – в «чёрном вороне»!

Перевод Игоря Печенева